

АРТЁМ БОГОМАНШИН

КОГДА ДРОГНУЛ ПОПЛАВОК

Арте́м Богома́ншин

Когда дрогну́л поплаво́к

«Автор»

2026

Богоманшин А.

Когда дрогнул поплавок / А. Богоманшин — «Автор», 2026

Ярина живёт у озера, любит утро, шоколад, компьютерные игры и своего чёрного кота Моха. Её жизнь кажется почти идеальной — ровно до того момента, когда у неё в руках оказывается старый рыбацкий поплавок. Он затягивает Ярину в жестокий мир будущего, где за артефактом охотятся демоны в чёрной броне, а единственным проводником становится загадочный незнакомец, которому очень хочется верить, но почти невозможно доверять. Чтобы вернуться домой, Ярине придётся понять, почему один старый поплавок способен изменить судьбу нескольких миров — и можно ли спасти того, кто сам давно перестал надеяться на спасение.

© Богоманшин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Акт первый. Изба у озера.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Артем Богоманшин

Когда дрогнул поплавок

Акт первый. Изба у озера.

Ах, как же я обожаю просыпаться по утрам.

Знаю, звучит подозрительно. Обычно люди по утрам страдают: орёт будильник, впереди долгий и тяжёлый рабочий день, а солнце лезет в глаза и так и требует немедленно расстаться с одеялом, которое за ночь стало самым родным существом на планете.

Ну а мне вот прям нравится.

Нравится, как первый луч утреннего света аккуратно подбирается к моей постели, чтобы разбудить меня своим нежным прикосновением. Нравится, как лёгкий ветерок заносит в комнату запах влажной травы за окном. Нравится, как за стенами избы мягко шуршит лес — будто мир вокруг тоже только что проснулся и теперь сладко потягивается вместе со мной.

И особенно люблю момент, когда я встаю, подхожу к зеркалу и убеждаюсь: да, Ярина, ты всё ещё потрясающая.

Рыжие волосы — огонь. Улыбка — преступно хороша. Руки — изящные, с тонкими длинными пальцами и аккуратной мускулатурой, которая проступала ровно настолько, что я каждый раз мысленно благодарила себя за ежедневные тренировки и привычку не лениться. Фигура — отдельная причина объявить сегодняшний день государственным праздником.

— Ну и как этот мир заслужил такую красоту? — спросила я у зеркала.

Зеркало промолчало. Зато из-под лавки раздалось короткое недовольное «мрр».

— Не завидуй, Мох. Ты у меня тоже красавчик.

Мох выполз из-под лавки и с довольным мурчанием потерся о мою ногу, соглашаясь с моим утверждением. Мох был чёрный, пушистый, с умными зелёными глазами и тонким ошейником на шее.

Я насыпала ему корм, себе отломала кусочек шоколада и села у окна.

За окном было всё, что я любила: лес, солнце, огромное спокойное озеро и ни одного человека, который попытался бы объяснить мне, как правильно жить.

Такие люди, кстати, попадались мне довольно часто. Особенно они любили говорить, что с моим характером я никогда не найду себе нормального мужика.

Потому что, видите ли, мужчинам не нравится, когда женщина любит себя больше, чем их. Я же всегда считала это совершенно не моей проблемой.

Впрочем, чужие советы меня редко интересовали. С тем, что мне действительно по душе, я определилась довольно рано. Еще с малых лет мне нравились три вещи: компьютерные игры, шоколад и справедливость.

Да-да, вы не ослышались. Именно справедливость.

С играми всё было понятно. Там есть правила, есть цель, есть враг, есть задание. Шоколад тоже был понятен: он просто делал жизнь слаще, без лишних нравоучений. А вот со справедливостью всё оказалось немножечко сложнее.

Первый раз я всерьёз столкнулась с несовершенством этого мира лет в девять, когда трое старших мальчишек подкараулили мелкого Ваську по дороге домой, зажали того в переулке и принялись избивать за то, что он отказался делиться деньгами. Я тогда была ниже всех троих, злее всех троих и совершенно не понимала, как можно нападать втроем на одного, который к тому же слабее каждого из вас.

В ход пошли ногти, зубы, кулаки и всё, что тогда попало мне под руку на улице.

Мальчишки убежали искусанные, исцарапанные и немного побитые. Зато, как мне тогда казалось, обогащённые ценным знанием, что нападать втроём на одного — плохая идея, особенно если рядом есть я.

Васька, кстати, тоже смылся. Даже спасибо не сказал, подлец, а потом почему-то и вовсе стал обходить меня стороной. Странный был малый.

Нет, мне тогда, конечно, тоже досталось. Разбитая губа, ссадины на костяшках, синяк под глазом. Но всё это я сочла вполне допустимой платой за важное открытие: мир устроен неправильно, но, в общем и целом, это поправимо при определённых усилиях.

С тех пор мало что изменилось.

Только игры давно стали сложнее: огромные карты, ветки развития, сотни механик и боссы, которым явно недодали любви в детстве. Ассортимент шоколада тоже расширился по мере моего взросления: сначала плитки с орехами казались вершиной счастья, потом появились брауни, горячий шоколад, шоколадные пироги, шоколад с перцем, шоколад с солью — почти любой, если в нем есть настоящее какао и он не притворяется полезным батончиком.

А справедливость...

Да, со временем я выяснила, что справедливость — существо прекрасное, но совершенно беспомощное. Сама она почему-то редко приходит вовремя, плохо ориентируется на местности и почти никогда не попадает туда, где нужна больше всего.

К счастью, рядом довольно часто оказывалась я. И, если справедливости требовалось немного помочь воплотиться в реальность — ну что ж, я никогда не была против.

Мох доел и занял свое законное место у меня на коленях. Я почесала его за ухом, запустила свою любимую стратегию на терминале и уже почти решила, что сегодняшний день будет таким же идеальным, как и все предыдущие. У вселенной, однако, были на меня совершенно другие планы.

Мох внезапно сорвался с моих колен, вылетел в открытую дверь и со всех лап ринулся в сторону озера.

— Эх, ну вот, видимо, придется сегодня поработать, — я неохотно свернула игру и переключилась в служебное пространство терминала.

Слева на экране появились картинки с камер, окружавших озеро с разных сторон. Справа открылась схематичная карта водоёма и его берегов. Маленькая зелёная точка с подписью «Мох» быстро двигалась к воде. А сверху всплыла жёлтая строка предупреждения:

Объект активен. Поверхность нестабильна.

— Ну конечно, — вздохнула я. — Стоило только начать хорошую партию.

Камеры показывали самое обычное утро. Лес, с его высоченными деревьями, которые сливались в бесконечную зелень вдалеке. Поверхность озера, что мерно переливалась в золотистых лучах солнца, и тонкую полоску белёсого тумана у дальнего берега. Никаких монстров, непрошенных гостей, и прочих радостей, из-за которых мне приходилось отвлекаться от таких важных дел, как прокачка персонажа и поедание шоколада.

А потом в левом верхнем окне что-то мелькнуло. Я подалась ближе к экрану. На поверхности озера, среди солнечных бликов, на мгновение проступил чужой силуэт. Кто-то будто стоял по ту сторону воды и смотрел прямо в камеру.

Я моргнула. Силуэт исчез.

На экране снова было только озеро: гладкое, золотистое, совершенно невинное.

Но датчики упрямо выдавали жёлтое предупреждение. А значит, пора было приниматься за работу.

Я отодвинула стул и подошла к служебной стойке у дальней стены.

Броня ждала меня там же, где и всегда: в зафиксированном креплении слева от оружейного отсека. Тёмная, гладкая, с тонкими серебристыми линиями, пробегающими по пластинам, и мягким внутренним светом в местах сгибов. Настоящее произведение инженерного искусства.

Я вообще считала, что если тебе по долгу службы приходится встречать неизвестных гостей из неизвестных миров, то ты имеешь право делать это красиво.

— Активировать бронекompлект, — сказала я.

Стойка мягко щёлкнула, броня раскрылась, и я шагнула внутрь. Система сама сомкнулась вокруг тела: сначала спина и грудь, потом плечи, бёдра, предплечья. На запястьях щёлкнули фиксаторы, а по внутреннему слою пробежал короткий холодок проверки.

— Фиксация завершена, — сообщила мне броня. — Подвижность: девяносто восемь процентов. Защита активна.

— Вот и славно.

Я пару раз сжала пальцы, присела, перекатилась с пятки на носок. Броня слушалась хорошо. Почти как собственное тело, только с усилителями, защитой и гарантией от производителя.

Перед выходом я, конечно, снова взглянула в зеркало.

Ну а что? Работа работой, но уважающая себя дама должна понимать в каком виде она выходит из дома.

— Да я прям Эмили Блант, только рыжая, — сказала я своему отражению. — Но так даже лучше.

Зеркало в очередной раз оставило мой комментарий без внимания. Ну и пускай молчит.

Пушка лежала в правом отсеке. Моя красавица: тяжёлая ровно настолько, чтобы чувствовать её в руке, с эргономичной рукоятью, выверенным балансом и мягким спуском. Матовый корпус, аккуратная светящаяся шкала заряда под прицелом. Ни одной лишней детали. Просто идеальная вещь для случаев, когда справедливости нужно помочь найти адресата.

На терминале зелёная точка Мха замерла у самой воды.

Я сунула шоколадку в бедренный подсумок, подхватила пушку и вышла на крыльцо.

Солнце мягко легло на плечи. Лес шуршал, ветер трогал траву у ступеней, а озеро лежало впереди пока что совершенно спокойное. Большое, гладкое, золотистое от утреннего света.

Я бросила взгляд на пушку в руке и вздохнула:

— Ну что, красотка, будем надеяться, что сегодня ты мне не понадобишься.

Когда я дошла до воды, броня коротко пискнула.

— Уровень угрозы: зелёный, — сообщила она. — Поверхность стабильна.

Я остановилась у берега. Мох, который ещё минуту назад сидел у самой кромки воды, вдруг поднялся, потянулся и побежал обратно к избе. Спокойно так побежал. Даже лениво. Будто это не он только что сорвался с моих колен и заставил меня прервать партию, надеть броню и взять пушку.

— Серьёзно? — спросила я ему вслед. — И это всё?

Мох, естественно, ничего не ответил, и я осталась у воды одна.

Озеро было совершенно спокойным. Ни всплеска, ни ряби, ни подозрительного пузыря у берега. Только ровная гладь, утренний свет и отражение леса в воде, будто никакой тревоги не было и в помине.

Вот что мне действительно не нравилось, это когда мир сначала обещал приключение, а потом начинал прикидываться обычным будним днём.

Если уж озеро просыпалось, из него обязательно кто-нибудь да появлялся. Или хотя бы пытался. За годы службы я видела существ, которые выходили из воды с дипломатическими жестами, с оружием наперевес, с песнями и плясками, с проклятиями на непонятных языках, с просьбами о помощи, а один раз даже появился некий чудаковатый пришелец, ведомый искренним желанием обменять три ведра каких-то мерзких светящихся слизней на горсть земных семян.

Но чтобы датчики сработали, Мох отреагировал, поверхность дрогнула — и ничего?

Такой вариант мне почему-то совсем не нравился.

Я постояла ещё немного, дождалась повторной проверки, убедилась, что озеро действительно молчит, и вернулась в избу.

Первым делом я сняла броню. Вторым — доела шоколадку. И только потом уселась за терминал, чтобы составить отчёт для Центра.

«Зафиксирована кратковременная нестабильность поверхности. Визуальный контакт не подтверждён. Посторонних биологических и небиологических объектов не зафиксировано. Мобильный модуль “Мох” отреагировал на источник, однако, после сброса тревоги вернулся в штатный режим».

Я перечитала, прикрепила данные камер, показания датчиков и отправила.

— Ну вот и куда ты понёсся, если там никого не было? — спросила я Мха.

Мох лежал на подоконнике, нежился на солнце и лениво изображал, что не имеет ни малейшего отношения к сегодняшнему спектаклю.

— Ладно, — сказала я. — Центр получил данные. Пусть теперь разбираются. У них там специально обученные люди для этого сидят.

На этом я посчитала вопрос временно закрытым.

Вечер прошёл прекрасно. Я вернулась к игре, отомстила котикам-некромантам за испорченное утро, съела ещё немного шоколада, а потом проявила редкую сознательность и нормально поужинала.

Как бы сильно я ни любила шоколад, на одной сладкой радости далеко не уедешь. Особенно если завтра тебе снова понадобится бегать, стрелять, таскать броню и выглядеть при этом восхитительно.

Поэтому на ужин был бефстроганов с пюре из термоблока. По сути — продвинутая микроволновка, которая умела готовить почти по-домашнему и не заставляла меня изображать хозяйку у плиты. Впрочем, смастерить что-нибудь съедобное у неё получалось всегда. А иногда выходило даже вкусно.

Утром я, как обычно, проснулась в отличном настроении. Мир снова был прекрасен, лес шуршал за стенами, Мох вальяжно развалился на подоконнике и грел бок в солнечном пятне, а

за его пушистой тушкой лежало озеро — большое, спокойное, красивое до неприличия. Смотришь на такое и почти веришь, что вчера ничего странного не случилось.

После завтрака у меня по расписанию был круговой обход периметра.

Обычная служебная рутина: пройти вдоль берега, проверить маяки, камеры, скрытые датчики и контрольные точки. Автоматика, конечно, штука умная и дорогая, но после вчерашнего я предпочитала посмотреть на всё своими прекрасными глазами.

Мох со мной не пошёл. Но в этом, в отличие от всего прочего, не было ничего удивительного. Во-первых, он был системой быстрого реагирования и защиты, а не прогулочным аксессуаром. Во-вторых, при всём уважении к гениальности инженеров из Центра, внутри у него всё равно был запрятан самый обычный кошачий характер. А кошка считала утренний обход задачей того, кому это записали в служебный график.

— Ладно, охраняя дом, ленивое чудовище, — сказала я.

Мох нехотя приоткрыл один глаз, смерил меня снисходительным взглядом — мол, иди уже, не трать моё время на пустые разговоры, — и снова его закрыл.

Я вышла из избы и потопала вдоль берега.

Утро было тёплым и ароматным. Лес вокруг избы стоял влажный после ночи: тёмные стволы уходили высоко вверх, в кронах ещё искрились капли, а воздух пах хвоей и мокрой землёй. Солнце пробивалось сквозь ветви мягкими полосами, ложилось на траву, цеплялось за мокрую кору, блестело в паутине между кустами. Высоко в ветвях тонко пересвистывались птицы, и лес отвечал им глухим древесным эхом. Под сапогами пружинил влажный мох — мягко, упруго, почти настойчиво, будто тропа сама вела меня куда-то.

Озеро то открывалось между деревьями, то снова пряталось за стволами. Спокойное. Голубоватое. Берег казался совсем близким, хотя по моим подсчётам я должна была выйти к нему только через несколько минут. Я поняла, что свернула с привычного маршрута, только когда под сапогом хлопнула глина.

Остановилась.

Посмотрела вниз.

Потом вперёд.

У заболоченной кромки, где служебная тропа вообще-то должна была уходить правее, стояла старая грязная «Нива».

Вот те раз.

А это как тут оказалось?

Без всякого сомнения это была именно «Нива». В детстве бабушка показывала мне семейные фотографии. На одной из них прадед стоял рядом с такой же квадратной зелёной машиной и выглядел так гордо, будто лично приручил железного медведя. Вживую я такие машины видела только в музеях транспорта и старых фильмах, где люди ещё сами крутили руль, громко хлопали дверцами и часами сидели под капотом.

А теперь одна из таких древностей стояла у моего озера.

Внутри закрытого периметра.

Посреди леса.

Задние колёса утонули в грязи почти по ступицы. Дверца багажника была распахнута. Рядом возился дед в болотных сапогах, ватнике и старой кепке. Он выглядел так, будто каждый день застревал на машине из прошлого века рядом с секретными объектами и давно перестал видеть в этом что-то особенное.

Странно. Ни внешний патруль, ни датчики, ни камеры ничего не засекли. Машина не могла просто взять и оказаться здесь. Я задумалась на минуту, посмотрела на «Ниву», потом на деда, потом снова на «Ниву» — и поймала себя на том, что улыбаюсь.

Потому что день явно собирался стать интереснее, чем обещал служебный график.

И будто в ответ на эту мысль лес вокруг чуть оживился: в кронах прошёл мягкий шорох, влажный мох под сапогами запружинил настойчивее, а озеро между стволами коротко блеснуло солнцем, словно тоже решило посмотреть, что будет дальше.

— Дочка! — обрадовался дед, увидев меня. — Поможешь?

— Смотря с чем, — сказала я.

— Да вот, увяз. Рыбачил, домой собрался, а старушка моя взяла, да и увязла. Ну? Поможешь подтолкнуть?

Он похлопал «Ниву» по боку, будто демонстрируя мне какую именно старушку придется подталкивать.

— Дедушка, — я оглядела машину, берег и лес за его спиной, — ты откуда сюда приехал?

— Оттуда, — он неопределённо махнул рукой куда-то в сторону деревьев.

— Так там же дороги нет.

— Да знаю, что нет. Ну так я же на «Ниве», — сказал он гордо. — Ей дорога и не нужна.

— Да, вижу, что не нужна, — я усмехнулась, а потом и вовсе расплылась в улыбке.

— Ну, что поделаешь, неприятности иногда случаются, — дед пожал плечами, а затем задорно продолжил. — Рыбы зато сколько наловил, надолго теперь хватит.

Он полез в багажник и достал жестяное ведро.

Я заглянула внутрь. На дне ведра действительно лежали несколько сегов — крупные, серебристые, с плотной чешуёй и мутным стеклянным взглядом. С виду рыба как рыба. Выглядит вроде даже вполне съедобно и аппетитно. Но именно эта простота меня и насторожила.

— Рыбу из этого озера я бы есть не советовала.

— Да что мне будет, дочка? Я старый.

— Вот это мощный аргумент, конечно — я сложила руки на груди и саркастически покивала.

Дед улыбнулся так, будто я сказала что-то очень забавное.

— Ладно, дочка, не томи. Помоги вылезти, а я с тобой поделюсь.

— Рыбой что ли?

— А чего б и не рыбой то? Сама ж видела какая красивая, так и просится на стол.

— Нет уж, вы, если хотите, кушайте, — я отрицательно помахала ладонью. — А я, пожалуй, воздержусь.

— Ишь, какая привереда, — дед усмехнулся. — Ну выбери тогда что другое. У меня добра хватает.

Он кивнул на багажник.

Я знала, что правильнее было бы сразу уведомить внешние патрули, поставить метку, изолировать участок и не трогать руками ничего, что появилось возле озера без особой на то нужды. Но было поздно, ведь я уже несколько секунд с интересом разглядывала содержимое багажника.

Кузов старой «Нивы» был набит всевозможным рыбацким хламом. Сапоги, моток лески, коробка с блёснами, старый нож, тряпки, термос, пачка соли, несколько катушек, крючки, поплавок, маленькая иконка без лица, связка ключей неизвестно от чего и фантики от конфет, названия которых я никогда не видела.

Я уже хотела отступить и продолжить разговор с дедом, когда взгляд вдруг зацепился за старый поплавок.

Обычный деревянный поплавок. Бело-красный, облупленный, с тонкой трещиной у основания.

Я не собиралась его брать. Нет, правда. Просто в какой-то момент он уже лежал у меня на ладони.

Дед посмотрел на поплавок, потом на меня и вздохнул.

— Он тебя выбрал. Или ты его.

Я медленно подняла на него глаза.

— Что у нас тут, палочка выбирает волшебника?

— Какая еще палочка? — Дед непонимающе прищурился.

— Да не суть, — сказала я.

И сама удивилась, почему мне вообще пришла в голову древняя сказка из начала двадцать первого века. Видимо, мозг пытался найти хоть какую-то культурную рамку для ситуации, в которой старый рыбацкий поплавок внезапно начинал вести себя как предмет с характером.

— Это поплавок, — сказала я.

— Поплавок, — подтвердил дед.

— Поплавки никого не выбирают.

— Ну! — дед упер руки в бока, а потом резко указал правой ладонью на поплавок в моей руке. — Этот особый...

— И что же в нем особого? — я уже начинала жалеть, что сразу не доложила Центру о встреченном незнакомце. Эх, жаль пушку с собой не прихватила. Вдруг выкинет чего, а мне и ответить нечем. Ладно пока что будем просто подыгрывать.

Дед усмехнулся.

— Счастливый он. Всю жизнь мне удачу приносил. Не хотел бы отдавать.

— Так не отдавай. — резво сказала я и улыбнулась до ушей.

— А что делать? Раз выбрал — значит, выбрал. Да и принёс он мне удачу в последний раз.

— Это как?

Дед кивнул на машину.

— Я тебя встретил. Ты сейчас pomoжешь мне выбраться. Значит, сработал.

Логика была железная.

Мы вытолкали «Ниву» из грязи за несколько минут. Вернее, я вытолкала. Дед в основном держался за руль, жал на педаль, охал, подбадривал меня и называл «сильной девкой», за что чудом не схлопотал от меня лекцию о правилах общения с молодыми дамами.

Когда машина наконец выбралась на твёрдую землю, дед вылез, отряхнул ладони и кивнул в сторону озера.

— Попробуешь как-нибудь. Может, порыбачишь.

Я повернула голову в сторону воды.

— Рыбу ловить я бы тут точно не стала.

— А ты попробуй не рыбу, — сказал он.

Я резко повернулась обратно, чтобы спросить, кого еще он мне предлагает тут повылавливать.

Ни деда, ни «Нивы» уже не было.

Вот те два.

Вот только что были.

И вот уже нет.

Я несколько секунд смотрела на пустое место между деревьями. Потом опустила взгляд на землю.

На влажной глине остались мои следы.

Следов шин не было.

Лес вокруг вдруг стал тише. Птицы на пару секунд смолкли, ветер перестал трогать ветви. Будто всё вокруг вместе со мной задержало дыхание.

— Забавненько, — сказала я себе.

И лес снова выдохнул: где-то в кронах пискнула птица, по траве прошёлся ветерок, а у самой кромки озера тихо расплозлись круги, хотя в воду ничего не падало.

Поплавок лежал у меня на ладони — лёгкий, старый, облупленный и совершенно обыкновенный на вид.

Значит, вчера датчики сработали не зря. И если внешние патрули никого не засекли, а «Нива» исчезла вместе с дедом так, будто её никогда не было, то, вероятнее всего, пришёл он вовсе не со стороны внешнего периметра.

Он появился внутри.

Оставался вопрос: почему Мох ничего не сообщил?

Я вспомнила Видара, у которого принимала вахту в избе. Он тогда, уже перед самым отъездом, сказал мне, что Мох нужен здесь не только для наблюдения за озером и быстрого реагирования.

— Он ещё и за тобой присматривает, — сказал Видар. — За тем, кто несёт службу.

Я тогда решила, что это очередная служебная байка. Из тех, что старшие рассказывают новичкам, чтобы те не расслаблялись и хорошо относились к коту.

Но теперь поплавок лежал у меня в ладони, дед исчез без следа, а Мох, похоже, действительно знал больше, чем сообщил мне.

И впервые за всё время мне пришло в голову, что Видар, возможно, ни капли не выдумывал.

Я вернулась в избу быстрым шагом.

Мох встретил меня на пороге. Сидел ровно, хвост вокруг лап, зелёные глаза внимательно наблюдают за мной. Вид у него был такой, будто он всё знал заранее и просто ждал, как я отреагирую.

— Даже не начинай, — сказала я.

Мох моргнул. Потом равнодушно махнул хвостом и развалился у входа.

Я села за терминал и открыла новый отчёт.

«Во время планового обхода обнаружены неучтённые гражданские объекты: транспортное средство старого образца, предположительно “Нива”, и мужчина пожилого возраста, представившийся рыбаком. После краткого контакта объект исчез. Следы транспортного средства отсутствуют. Вероятный способ появления: через озеро».

Я остановилась.

Посмотрела на поплавок.

Он лежал рядом с клавиатурой. Обычная рыбацкая мелочь: облупленная краска, шероховатое дерево, старая трещинка у основания. Я провела большим пальцем по красной полосе, потом по белой. Поверхность была тёплой, будто поплавок целый день пролежал на солнце, хотя я только что принесла его из сырого леса.

Я уже набрала: «После контакта остался предмет неизвестного происхождения».

Пальцы замерли над клавишами, а в груди вдруг появилось странное ощущение. Такое тихое, настойчивое желание, которое одновременно было моим, но в то же время не совсем принадлежало именно мне.

Не надо.

Я ощутила ясный внутренний толчок, будто кто-то осторожно положил мысль мне прямо в голову.

Я медленно посмотрела на поплавок.

Он, разумеется, ничего не делал. Лежал себе рядом с клавиатурой. Самая обычная рыбацкая вещица. Которой почему-то совершенно не хотелось попадать в отчёт.

Желание стереть строку с экрана стало почти моим собственным.

Я нахмурилась.

Поплавок молчал. А что еще ему делать? Он же просто деревянный поплавок. Или нет?

Я стёрла строку про предмет и отправила отчёт без неё.

Потом взяла поплавок в ладонь. По телу разлилось мягкое тепло — такое тихое, осторожное чувство. Будто поплавок благодарил меня за то, что я оставила его существование в тайне.

— Он тебя выбрал. Или ты его, — вспомнила я.

Я ещё несколько секунд сидела неподвижно с поплавком в ладони.

Тепло ушло не сразу. Оно держалось под кожей, мягкое и осторожное, будто вещица действительно умела быть благодарной. Странное ощущение. Слишком живое для облупленного куска дерева.

Я провела большим пальцем по тонкой трещине у основания.

Поплавок внезапно стал холодным. Нет, не холодным. Обжигающе ледяным...

А потом я получила такой удар в грудь, что воздух моментально вылетел из лёгких, а мир кувыркнулся куда-то вбок и на миг всё вокруг поглотила непроницаемая чёрная пелена. Спина с противным металлическим скрежетом встретилась с мокрым камнем. Жёстким, холодным и скользким от дождя.

Я закашлялась.

Нет.

Он закашлялся.

Мое тело больше не было моим. Тяжёлое, чужое, обожжённое болью. Оно лежало на чёрной плитке, о которую ударялись капли дождя, и каждое движение отдавалось так, будто меня весь день били железными прутьями, а потом решили, что для полноты картины неплохо бы ещё пару раз приложить о камень.

Я попыталась вдохнуть — и захлебнулась металлическим привкусом крови.

Перед глазами дрожали красные знаки. Незнакомые, рваные, скачущие где-то на краю зрения. Я не понимала их смысла, но чувствовала панику системы так же ясно, как собственную боль: что-то внутри брони ломалось, отключалось, захлёбывалось критическими ошибками.

Моё плечо горело. Всё тело сковывало от боли.

Моя левая нога почти не чувствовалась.

Только это были не моё плечо, не моё тело и не моя нога. От этого окончательного осознания меня накрыло непреодолимой волной ужаса.

Тело само упёрлось ладонью в мокрую плитку и поднялось на колено. Я бы, наверное, осталась лежать. Я бы сначала попыталась понять, что происходит, где я, кто меня ударил и почему у меня во рту вкус крови.

Он не пытался понять.

Он уже знал, что будет дальше.

На руке я увидела часть брони — тёмную, сегментированную, не похожая на мою. Тонкие пластины заходили одна на другую, между ними мерцали синие линии. В нескольких местах броня была разорвана. По краям пробоин стекала кровь, смешиваясь с дождём.

Пальцы сжались на рукояти клинка.

Длинного. Матово чёрного. С тонкой синей жилой вдоль лезвия.

Рука дрожала, но в ней всё еще оставались силы для того, чтобы удерживать оружие.

Передо мной парило чудовище. У него не было ног. Ни ступней, ни коленей. Да вообще ничего, что должно было бы касаться земли. Ниже тяжёлого корпуса тянулся чёрный металлический шлейф — живой, текучий, будто хвост из жидкого нанометалла, который всё время распадался на тонкие нити и снова собирался обратно.

Существо было облачено в темную металлическую броню. Пластины перетекали одна в другую, меняли форму, дышали вместе с ним. Из плеч поднимались изогнутые металлические дуги, похожие на рога или обломки какого-то ритуального венца.

А лицо... Нет, это совершенно не было похоже на лицо.

Широкая пасть, белые клыки, острые, слишком длинные, будто их сделали не для укуса, а для устрашения. Глаза горели красным огнём. Двумя зловещими точками, в которых кто-то будто запер приказ уничтожить всё живое.

В правой руке существо держало изогнутый меч, отливавший красным.

Пальцы на левой заканчивались огромными металлическими когтями.

Существо не спешило атаковать.

Я чувствовала, что оно уже победило.

И он тоже это чувствовал.

Но тело всё равно поднялось.

Медленно. Превозмогая всепоглощающую агонию. Каждый вдох отдавался тупой болью, будто грудь изнутри стягивали проволокой.

Но он поднялся. Крепко встал на ноги. Но не потому, что рассчитывал одолеть чудовище. А потому что должен был успеть.

Успеть...

Это чувство звучало внутри громче страха. Оно сидело где-то глубоко под рёбрами, горячее и упрямое.

Успеть.

Что именно — я не понимала. Но понимал он.

Чудовище сорвалось с места.

Чёрный шлейф под ним рванулся вперёд, и существо скользнуло по воздуху, как тень от лезвия.

Красная катана ударила сверху.

Тело ушло в сторону само. Так быстро, что я даже не успела испугаться. Рефлексы сработали раньше мысли: поворот, рывок плечом, синий клинок поднимается навстречу.

Удар.

Металл встретился с металлом.

Импульс прошёл через всё тело как удар молнии. Правая рука едва не разжалась и не выпустила меч. В плече вспыхнула яркая боль. Ноги поехали по мокрой плитке, но тело удержалось.

Когти свистнули перед лицом, разодрав край визора, и мир на секунду утонул в красном. Если бы удар пришёл на пару сантиметров глубже, мне бы снесло половину головы.

Ему.

Ему бы снесло.

Я всё ещё пыталась цепляться за это различие, но оно таяло.

Тело шагнуло вперёд.

Последний рывок.

Я почувствовала, как он собирает всё, что еще было внутри в один комок: боль, злость, остатки сил и это непонятное мне, но такое жгучее желание успеть. Всё это сжалось в одну точку и толкнуло клинок вперёд.

Синий след рассёк дождь.

На мгновение показалось, что получится.

Показалось, что чудовище не успеет уклониться.

Но красные глаза вспыхнули ярче.

Чёрный шлейф под корпусом резко переломился, тварь ушла в сторону невозможным движением. Красная катана отбила удар, а следом ударили когти.

Меня швырнуло на плитку.

Воздух снова вырвало из лёгких. Голова ударилась о камень, и на миг всё потемнело. В этот раз тело не поднялось. Рука с клинком дёрнулась, но пальцы уже почти не слушались.

Я чувствовала, как жизнь покидает меня. Его... Его... Это не я...

Чудовище плавно подплыло ближе.

Красная катана опустилась остриём вниз.

Когти левой руки раскрылись, как металлический цветок.

Я хотела оттолкнуться. Перекатиться. Поднять клинок. Хотя что-нибудь.

Существо стояло надо мной, закрывая мрачное небо. Светящиеся рога разрезали темноту над его мордой, клыки блестели под дождём, красные глаза спокойно смотрели на меня. Я не увидела в них ни ярости, ни злости, ни даже малейшего намека на ненависть.

Тварь наклонилась ко мне ближе.

— Твой путь окончен.

Катана вошла под броню. Я почувствовала, как металл проходит сквозь тело. Потом холод. Потом боль, такая резкая и огромная, что всё остальное исчезло. Станный неоновый город вокруг. Дождь. Чудовище. Крыша. Даже страх испарился.

Осталось только это нестерпимое желание успеть.

Успеть. Даже сейчас, находясь на границе между жизнью и смертью, оно не погасло. Наоборот, стало чище, ярче, стало абсолютно невыносимым. Стало приказом самому себе, последним и самым важным.

Успеть...

Воздух обжигающим потоком ворвался в мою грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.